

Е. Н. Наземцева

Российские уклонисты и дезертиры в Китае в период Первой мировой войны

Войны, политические и экономические кризисы, стихийные бедствия и катастрофы всегда вынуждали человечество искать безопасные условия для жизни.

Изучение проблем, связанных с миграционными процессами на российско-китайской границе, имеет особое значение. Это обусловлено огромной протяженностью границы и важностью сохранения стабильного и безопасного положения в регионе.

Первая мировая война привела к глобальным изменениям мирового политического и экономического порядка, вызвала масштабные демографические изменения. Одной из причин последних стали миграционные процессы, развернувшиеся на огромных территориях. Основную массу участников миграций составили гражданские и военные беженцы. Однако немаловажное место в них занимали уклонисты и дезертиры. Если проблемы миграции гражданских и военных беженцев в период Первой мировой войны изучены довольно основательно¹, то вопросы, касающиеся перемещения уклонистов и дезертиров, остаются пока на периферии научных исследований. Бегство же уклоняющихся от мобилизации в русскую армию вообще пока не рассматривалось в историографии. Между тем изучение этого сложного, но важного вопроса имеет существенное значение для воссоздания полной и объективной картины истории Первой мировой войны и глобальных мировых военных кризисов в целом, прежде всего их трагического влияния на развитие цивилизации.

Вступление Российской империи в мировую войну вызвало масштабные изменения на огромной территории. 18 (31) июля 1914 г. в Российской империи была объявлена всеобщая мобилизация. Кадровая армия завершила мобилизацию 3 (16) сентября; было призвано 3340 тыс. нижних чинов, 48 тыс. офицеров и чиновников. Кроме того, были приняты меры по организации ополчения: под знамена стали около 780 тыс. ратников, в том числе 530 тыс. проходивших службу в войсках, 9,2 тыс. офицеров и чиновников².

Мобилизация российских подданных осуществлялась не только в России, но и в странах, где они находились, в частности в Китае. К 1914 г. в Китае численность подданных Российской империи составляла около 170 тыс. человек³. Точное количество прибывающих в консульские округа из Российской империи российских подданных в Китае накануне Первой мировой войны установить сложно из-за отсутствия в то время официальной регистрации и фактической прозрачности границ.

За весь период войны российские подданные призывались в русскую армию из Китая четыре раза.

19 июля (1 августа) 1914 г. на призывные участки должны были явиться подлежащие призыву запасные и ополченцы всех разрядов⁴. В этот раз мобилизация не затронула штатных чинов консульства как лиц, находившихся на государственной службе за границей, и не касалась служащих КВЖД.

Следующий призыв был 1 (14) марта 1915 г. Он касался всех чинов запаса армии и ратников ополчения 1-го разряда, не проходивших военную службу в возрасте до 36 лет включительно⁵.

Очередной призыв состоялся 31 августа (12 сентября) 1915 г. Он уже затронул проживающих в полосе отчуждения КВЖД и негативно повлиял на обстановку в Харбине и полосе отчуждения КВЖД.

Последний призыв — в апреле 1916 г. — серьезно нарушил деятельность как КВЖД, так и всех русских предприятий в Китае. Несмотря на это, а также на ходатайства об отсрочках и отмене мобилизации российских консулов и управляющего КВЖД генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата, призывы российских подданных из Китая были отменены только в октябре 1916 г.⁶

Хотя из Китая осуществлялся призыв российских подданных на фронт, сюда бежали из Российской империи стремившиеся уклониться от призывов. Лиц, уклонившихся от призыва, было приказано считать дезертирами. А это влекло арест виновных с препровождением в распоряжение ближайшей воинской власти. Арест мог быть произведен при содействии китайской полиции, если лицо, уклоняющееся от призыва, скрывалось в местности, где не было русских властей⁷.

Первые сведения о прибывших в Китай российских подданных-уклонистах появляются в начале 1915 г., после объявления второго призыва. В частности, об этом сообщает в своем донесении от 18 февраля 1915 г. в четвертый (Дальневосточный) политический отдел МИД генеральный консул Российской

империи в Харбине В. В. Траутшольд: «Кстати, недавно до сведения администрации дошло, что в Харбин прибыло с целью уклонения от призыва из мобилизованных местностей Сибири и даже России немалое число лиц, преимущественно евреи. Полиция уже с некоторого времени производит проверку и расследование о том, когда подлежавшие призыву выехали из мест прежнего жительства и если оказывается, что после объявления там мобилизации, то виновные привлекаются к ответственности. Многие при этом стараются доказать, что выехали еще до объявления мобилизации и для этого прибегают к подчистке дат, подложным свидетельствам и т. п.»⁸.

Следующий призыв привел к массовому бегству в Китай, а в самом Китае — к бегству российских подданных из ключевых центров русского присутствия в стране, прежде всего Харбина, вглубь страны или же вообще за ее пределы. Так, по сообщению того же Траутшольда от 5 сентября 1915 г., это спровоцировало «особенный переполох на пристани, где из военнообязанных еврейского населения бежит, как говорят, 90%. Скрыться по железной дороге нельзя, поэтому бегут по Сунгари или просто вглубь страны»⁹.

Действительно, положение на границе оказалось сложным, так как уклонисты переходили границу в районах станций КВЖД, в частности станции Маньчжурия, что свидетельствовало о слабости выпускного надзора¹⁰.

Другой станцией, через которую беглецы переходили из Российской империи в Китай, была станция Куанчэнцзы, откуда они направлялись в г. Чанчунь и далее в Тяньцзинь или Шанхай.

По сведениям генерального консула Российской империи в Шанхае В. Ф. Гроссе, поступившим ему от секретных агентов, в декабре 1915 г. в Чанчуне число подозрительных российских подданных достигло 200 человек. Местные криминальные элементы, занимавшиеся провозом опиума, оказывали им различного характера помощь. Среди них были лица разных национальностей, но основную часть составляли представители еврейского населения России. Гроссе приводит список «подозрительных лиц»: Левин, Кауфман, Малкис, Поляков, Ашмейда, Володька Грек и др. По данным консула, руководство по переправке уклоняющихся от службы в русской армии принадлежало некоему «Курочке» (он же Абрам Рабинович), часть этих лиц направлялись в Тяньцзинь или Шанхай, где, купив билет на японские суда, которые не требовали никаких удостоверений о подданстве, отправлялись в США.

Некоторые уклонисты, прибыв в Чанчунь, обращались к Янкелю Вайнштейну (он же Яшка Бродарь) или Давиду Шапиро и их помощникам — Гецу, Цацкину, Леонову и др. Последние направляли их к содержателю гостиницы «Норд-Отель» в г. Дальнем (совр. Далянь) — Ставицкому. С их помощью уклоняющиеся также попадали на японские суда и уезжали «в местности, где им не грозили принудительные меры к привлечению их к воинской повинности». В связи с этим В. Ф. Гроссе считал необходимым «принятие решительных мер к прекращению пребывания данных лиц в Китае и направлению их на место

жительства, туда, где за ними действительно мог бы быть установлен надзор». При этом Гец и Леонов уже находились в розыске согласно предписанию миссии для консульства, Рабинович был известен шанхайской муниципальной полиции как сутенер¹¹.

Другая, бóльшая часть уклонистов сразу направлялись в г. Дальний, где их встречал и оказывал им помощь упоминавшийся выше Ставицкий. У последнего некоторое время в качестве агента находился некий Тойка Левин по прозвищу Извозчик, позднее он был арестован в Харбине¹².

Кроме того, по сведениям российского генерального консульства в Харбине, в 1916 г. в Дальнем проживал бывший вольноопределяющийся флота эмигрант-анархист Н. Павлов¹³. С начала войны его квартира служила убежищем для всех дезертиров и лиц, уклоняющихся от воинской повинности, которым он оказывал помощь¹⁴. Павловым даже был организован специальный фонд для беженцев-дезертиров, которые «старались проникнуть в страну “куцей свободы” Америку»¹⁵. В связи с этим начальник железнодорожного полицейского управления КВЖД просил оказать содействие аресту Павлова¹⁶.

В. Ф. Гроссе также приводит данные, согласно которым, с 1915 г. в Харбине существовала целая организация, содействующая побегам уклонистов из России в Китай. Главный центр, через который проходили беглые, находился в «третьестепенном заведении» — ресторане «Гавайи», хозяин которого, некий Юпицкий, принимал «заказы» на изготовление документов. Помощь ему оказывал также бежавший с военной службы другой российский подданный — Латман¹⁷.

Так как основная масса переходила границу в районе станции Куаньчэнцзы, В. Ф. Гроссе просил консула в Куаньчэнцзы М. Лаврова о расследовании и возбуждении уголовного преследования¹⁸. Однако Лавров для этого не располагал никакими данными, так, по его сведениям, все они вели себя так, «чтобы не привлекать внимание консульства, которое из-за отсутствия принудительной регистрации российских подданных в консульских округах, было лишено возможности даже отдаленным образом контролировать их деятельность в Чанчуне, находящемся в полосе отчуждения Южно-Маньчжурской железной дороги»¹⁹. В то же время М. Лавров предоставил консулу сведения обо всех упоминаемых Гроссе подозрительных лицах²⁰.

Кроме того, Лавров считал, что роль отдельных лиц, в частности некоего Курочки как главного руководителя в переотправке уклоняющихся от службы в русской армии, «несомненно преувеличена», так как, по мнению Лаврова, самое трудное для уклонистов — это достижение Чанчуна, а этому Курочка-Рабинович помочь не мог. Лавров же обвинял служащих Южно-Маньчжурской железной дороги, «которые совершенно не интересуются личностью проезжающего», в связи с чем покупка билета в Чанчуне для уклонистов не представляла затруднений. Для пресечения подобной деятельности, по мнению консула, было необходимо «принятие мер в другом месте, т. е. на русской границе, через

которую уклоняющиеся от воинской службы лица бегут в таком количестве, что, по некоторым сведениям, к каждому поезду Северной Китайской дороги, отходящему от Мукдена, прицепляется, будто бы, для них специальный вагон»²¹.

Однако побегии указанными путями продолжились и в 1916 г. Например, по сведениям местной российской полиции, в ноябре 1916 г. через Куаньчэнцзы скрылись пятеро военнообязанных и направились на юг по Южно-Маньчжурской железной дороге. По данным же японского генерального консульства, в пассажирском поезде из Чанчуня следовало шесть человек русских подданных, о необходимости задержания которых японская железнодорожная полиция получила телефонограмму от начальника японской полиции в Чанчуне. После задержания данных лиц они были переданы в распоряжение генерального консульства Российской империи в Мукдене²². На допросе выяснилось отсутствие у них при себе документов для выезда за границу, а также документов, устанавливающих их отношение к воинской повинности. При себе они имели только пассажирские билеты прямого сообщения от ст. Чанчунь до Кобе. В результате все они были направлены в распоряжение российского полицейского надзора на ст. Куаньчэнцзы, для последующего выдворения в Российскую империю. Позже оказалось, что, по сведениям российской полиции, эти лица, проезжая через Чанчунь, останавливались у проживающего там японца Хироямы. Генеральный консул Российской империи в Мукдене С. А. Колоколов указал на это своему коллеге — японскому консулу в Мукдене Яда²³. Яда обещал снестись по этому поводу с японским консулом в Чанчуне для соответствующих с его стороны расследований и распоряжений. Также было установлено, что указанные шесть уклонистов следовали из Харбина, куда прибыли из Иркутска и что через пропускные пункты в Маньчжурии и Куаньчэнцзы они были пропущены русскими жандармами, не требовавшими от бежавших предъявления их паспортов. В результате Колоколов вынужден был признать, что не только японская, но и российская полиция нарушает правила надзора «за лицами, выходящими за границу»²⁴.

По данным российского генерального консула в Ханькоу А. Т. Бельченко, в 1916 г. в Харбине действовала организация по оказанию помощи русским уклонистам. Именно она отправляла их в Чанчунь. Ее возглавлял владелец парохода М. Кабатов. В состав организации также входили «грузин Алько Манкрелидзе, еврей, известный под кличкой “Давидка”, и братья Тилис». Они отправляли беглецов из Харбина в Чанчунь, где те и находили в приют у русского подданного Д. Шапиро и японца Хироямы. Бельченко также отмечал, что с их помощью «бегут сотни русских подданных, преимущественно евреев, уклоняющихся от воинской повинности, а равно и австро-венгерские военнопленные»²⁵.

Шапиро вообще был довольно известным субъектом. По данным заведующего полицией на русской концессии в Тяньцзине, Шапиро еще в 1915 г. содержал в Чанчуне международную гостиницу, в которой, а также еще в двух-трех

гостиницах и разных ресторанах Чанчуня укрывалось «много темного элемента, занимающегося еще более темными делами» и обладавшего значительными финансовыми средствами²⁶.

Как правило, все указанные помощники предлагали свои услуги, подходя к поездам, следовавшим из Харбина. По данным российской полиции, ежедневно в Чанчунь приезжало по несколько человек русских уклонистов и дезертиров, которые скрывались на германской и австрийской концессиях²⁷.

Иногда уклонисты добирались до Мукдена. Здесь убежищем для них служила гостиница «Мукдень», которую содержал русский подданный Тимашев, а также разные китайские гостиницы²⁸. Кроме того, по сведениям генконсула в Тяньцзине П. Г. Тидемана в феврале 1917 г. в г. Аньдун Мукденской провинции находилось много русских подданных, как дезертиров, так и лиц, по каким-либо причинам скрывающихся от русских властей²⁹.

Другим перевалочным центром для уклонистов из России стал Тяньцзинь. После объявления мобилизации российских подданных из Китая на русский фронт 1 марта 1915 г. большинство подлежащих призыву выехало из Тяньцзиня, но некоторые остались и не намеревались ехать добровольно. Первоначально российское генеральное консульство не имело никаких распоряжений относительно того, как поступать с уклоняющимися от отправки на фронт и вынуждено было сделать специальный запрос в российскую Миссию в Пекине для получения соответствующих инструкций³⁰. В дальнейшем консульство столкнулось с масштабным движением через город уклоняющихся от мобилизации российских подданных и необходимостью организации соответствующих мер для противодействия этому процессу. Генеральный консул П. Г. Тидеман даже назвал местную германскую концессию «одним из выдающихся центров» по оказанию содействия бежавшим из России военнопленным³¹.

За всеми находящимися в Тяньцзине подозрительными лицами велось наблюдение. В отношении подозрительных русских подданных принимались соответствующие меры для выяснения их личностей и отношения к военной службе, в особых случаях же, внушающих подозрение, производились обыски, применялось личное задержание³². Так, в ноябре 1915 г. заведующий полицией на российской концессии получил сведения, что в Тяньцзине, на местной германской концессии укрывалось несколько подозрительных неизвестных русских подданных. Для выяснения их личностей он направил на территорию германской концессии своих агентов, переодетых в китайское платье. Однако выяснить необходимые сведения им не удалось, так как сразу же после проникновения на территорию концессии к ним подошел полицейский германской полиции и начал выяснять цель их нахождения, когда же агент появился там во второй раз, то ему было приказано уходить с германской концессии, в противном случае ему грозил арест. С другими подосланными агентами поступили так же. Из этого заведующий российской полицией сделал вывод, что дом находился «под особым попечением германских властей». Кроме него, по данным

русской полиции на другой улице германской концессии также имелось несколько домов, в которых русские подданные укрывались от русских властей³³.

П. Г. Тидеман предлагал ряд мер против побегов уклонистов из России в Китай. Прежде всего, установление в Куаньчэнцзы строгого контроля над всеми выезжающими из полосы отчуждения КВЖД лицами. Далее он считал необходимым заключение специального соглашения России с Японией для принятия мер по «очищению Чанчуня от темных элементов»³⁴. Еще одним средством противодействия бегству уклонистов из России в Китай Тидеман считал установление цензуры для корреспонденции, проходящей через русские почтовые конторы в Китае. Он предлагал назначить туда «особых чиновников», имеющих соответствующую подготовку, в обязанность которых входило бы информирование консульства обо всех сведениях, представляющих особую важность. Кроме того, Тидеман вообще считал необходимым организацию в Китае деятельности профессиональной российской разведки и поручение ее «специально командированным получившим надлежащую подготовку правительственным служащим» при взаимном сотрудничестве с учреждениями Министерства иностранных дел³⁵.

Однако во время войны организовать специальную разведку в Китае, помимо тех функций, которые выполняли сотрудники консульств, не представлялось возможным. Да и введение цензуры также требовало новых разработок и распоряжений, а Китай во время Первой мировой войны не был приоритетным направлением внешней политики российских властей.

Между тем уклонисты продолжали пробираться в Китай, в том числе в Тяньцзинь. В апреле 1916 г. российское генеральное консульство в Тяньцзине получило сведения о нескольких уклонистах, укрывающихся на территории германской концессии Тяньцзиня³⁶. В июне 1916 г. удалось установить имена двадцати военнообязанных и место их укрытия. Тидеман даже составил их полный список. Все они, согласно этому списку, были «этнические евреи»³⁷. В июле 1916 г. в Тяньцзинь прибыла новая партия уклонистов — семь «весьма подозрительных русских подданных». Тидеман поручил находящемуся в его распоряжении чиновнику департамента полиции, губернскому секретарю Н. А. Жебраку, задержать неизвестных русских подданных немедленно по прибытии их в Тяньцзинь для выяснения их личностей и цели приезда в Китай³⁸. Вместе с русскими подданными был задержан и сопровождавший их германский подданный, который был освобожден по предъявлении документов³⁹. После доставки арестованных со станции в полицейское управление русской концессии они были опрошены, находившиеся при них документы, деньги и ценные вещи отобраны и переданы на хранение в консульство. Большинство из задержанных отказались дать подробные сведения, заявив лишь, что они бежали из России в Китай чтобы избежать призыва по мобилизации и с этой целью решили укрыться на германской концессии. Более подробные сведения сообщил арестованный некий А. Кантор. Из его слов стало ясно, что в Иркутске

и Чите существовало несколько организаций, изготавливающих фальшивые паспорта и другие документы. Главную роль в Иркутске играл некий Штейн, содержавший гостиницу, в которой временно проживали лица, провозимые им затем в Монголию⁴⁰. Проехав до Калгана, арестованные встретили там германских агентов, которые направили их в Тяньцзинь. Всех арестованных немецкие агенты снабдили записками, на которых по-китайски был написан адрес отведенной им квартиры на местной германской концессии. Эти записки они должны были показать китайским рикшам по прибытии в Тяньцзинь. При аресте они поспешили выбросить записки⁴¹.

Другие арестованные уклонились от дачи подробных показаний по делу. На основании постановлений генерального консула П. Г. Тидемана от 23 июня 1916 г. все они были отправлены через помощника управляющего КВЖД по гражданской части в распоряжение прокурора пограничного окружного суда, руководящего следствием по делу существующих в Китае тайных враждебных России германских организаций. Протоколы дознания арестованных, их документы, деньги и ценные вещи одновременно с ними также были направлены прокурору пограничного окружного суда в Харбин⁴².

Лишь в ноябре 1916 г. посланник в Пекине поддержал обвинения консулов против российских полицейских властей станций КВЖД и Харбина и 21 ноября 1916 г. направил иркутскому генерал-губернатору соответствующую записку, в которой отметил, что «донесения консулов, постоянно улавливающих дезертиров, проникших без законных документов в Китай через станцию Маньчжурия, свидетельствуют о слабости выпускного надзора в означенном пункте со стороны жандармской полиции Забайкальской дороги». Посланник предложил не выпускать без заграничных паспортов русских подданных, следующих, согласно их пассажирским билетам, южнее Куаньчэнцзы. По его мнению, эта мера «даст возможность значительно сократить побег, так как даже если дезертиры будут брать билеты только до Харбина, то они будут там задержаны, так как продажа пассажирских билетов от Харбина на юг и от Куаньчэнцзы на юг сопряжена с значительными затруднениями». Внутренние же виды на жительство были достаточными лишь для Северной Маньчжурии. Отсутствие их у лиц, проживающих в прочих частях Китая, явится поводом для преследования⁴³.

Интересно, что некоторым русским подданным удавалось устроиться на службу в американские войска в Китае. Так, все на той же станции Куаньчэнцзы в феврале 1917 г. был задержан некий Егор Андреевич Анапренок. В своих показаниях он отметил, что служил в течение 2 ½ лет в качестве добровольца в американских войсках, в 15-м пехотном полку, в роте Джи, находящейся в Тяньцзине, причем именовался Егор Напреенок, и что в той же роте есть еще трое русских подданных. По наведенным российским консульством Тяньцзиня справкам, показания Анапренка подтвердилось. Кроме того, по тем же справкам, в местном американском отряде было еще несколько бежавших из России

русских подданных, личности которых точно узнать не удалось, так как, поступая в американскую армию, они меняли свои имена и фамилии⁴⁴. Для уточнения данных о русских подданных в американских военных частях в Китае Тидеман встретился с американским консулом в Тяньцзине Ф. Д. Фишером⁴⁵. Последний признал, что на действительной службе в американской армии немало нижних чинов иностранцев, не состоящих в американском гражданстве, в том числе, конечно, русских подданных, и что право американского гражданства такие лица могут приобрести лишь по прохождении трех лет действительной службы в рядах и по истечении четырех лет состояния запаса⁴⁶. Фишера, в свою очередь, интересовал вопрос об отношении к таким уволившимся установленным порядком из русского подданства американским солдатам — русским подданным в Китае. По мнению российского консула, каждый русский подданный, не уволившийся из подданства в установленном для того порядке, одинаково ответственен перед русским законом, независимо от того, носил он форму иностранной армии или нет. Однако никаких особых указаний по таким специальным случаям у российского консульства не было, в результате Тидеман решил «при первой возможности» поставить данный вопрос перед российскими властями⁴⁷. Но начавшийся в России революционный кризис не позволил решить поставленные во время Первой мировой войны вопросы.

Таким образом, во время Первой мировой войны Китай стал убежищем для многих уклоняющихся от мобилизации и направления на фронт российских подданных. В надежде на спасение они переходили российско-китайскую границу, скрывались в крупных городах, где можно было нелегально приобрести новые документы, и направлялись в США или на Филиппины. Стабилизация фронта и перерастание войны в позиционную приводили к углублению экономического кризиса, росту недовольства войной и постепенного возникновения революционного хаоса, что также способствовало миграции из Российской империи как уклонистов, так и вообще всех недовольных ситуаций в стране. В определенной степени это стало предтечей тех масштабных эмиграционных процессов, которые развернулись в стране в период глобальной революционной катастрофы 1917–1922 гг.

¹ *Оськин М. В.* Неизвестные трагедии Первой мировой: пленные, дезертиры, беженцы. М., 2014; *Познахирев В. В.* Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг.: документы, факты, исследования. СПб., 2014; *Белова И. Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014; и др.

² Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2014. С. 433–436.

³ По данным Н. Е. Абловой, около 50 тыс. человек (*Аблова Н. Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999. С. 71). По сведениям Н. Н. Аблажей, в Северо-Восточном Китае численность русских подданных составляла

- около 150 тыс. человек (*Аблажей Н. Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 30); в Синьцзяне в 1916 г. — около 15,5 тыс. человек (*Лян Чжэ.* Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.). М., 2016. С. 146).
- ⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 188. Оп. 761. Д. 1023. Л. 53.
- ⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2881. Л. 34.
- ⁶ Подробнее о мобилизации российских подданных из Китая см.: *Наземцева Е. Н.* Из Поднебесной на Русский фронт: мобилизация российских подданных в Китае в годы Первой мировой войны // *Российская история.* 2024. № 2. С. 102–114.
- ⁷ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 241. Л. 22.
- ⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 218. Л. 44–45.
- ⁹ Там же. Л. 302.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 241. Л. 264.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 287. Л. 270.
- ¹² Там же. Л. 269.
- ¹³ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1030. Л. 164.
- ¹⁴ Там же. Л. 166.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 165.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 287. Л. 270.
- ¹⁸ Там же. Л. 266–267.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 268.
- ²¹ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1030. Л. 26.
- ²² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 244. Л. 190.
- ²³ Там же. Л. 190.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Д. 3344. Л. 10.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1030. Л. 21.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Л. 49.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2881. Л. 34.
- ³¹ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1030. Л. 18.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. Л. 20.
- ³⁴ Там же. Л. 19.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 304. Л. 109.
- ³⁷ Там же. Д. 3344. Л. 4–5.
- ³⁸ Там же. Д. 304. Л. 133.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 134.
- ⁴¹ Там же. Л. 135.
- ⁴² Там же; АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1030. Л. 234–236.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 241. Л. 264.
- ⁴⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3344. Л. 14.
- ⁴⁵ Фред Дуглас Фишер (Fred Douglas Fisher) (13.03.1874–?) — американский дипломат. Более десяти лет прослужил в Китае: консул в Харбине (1906–1908), Ньючжуане (1909), генеральный консул в Мукдене (1909–1914), Тяньцзине (1914–1918).
- ⁴⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3344. Л. 14.
- ⁴⁷ Там же. Л. 14–15.

References

- Ablazhei, N. N. *S vostoka na vostok: Rossiiskaya emigratsiya v Kitae* [From East to East: Russian Emigration in China. In Russ.]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN, 2007. 298 p.
- Ablova, N. E. *Istoriya KVZhD i rossiiskoi emigratsii v Kitae (pervaya polovina XX v.)*. [The History of the China Eastern Railway and Russian Emigration in China (the First Half of the 20th Century). In Russ.]. Minsk, Izdatel'skii tsentr Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta publ., 1999. 315 p.
- Belova, I. B. *Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Rossii. 1914–1925 gg.* [Forced Migrants: Refugees and Prisoners of War of the First World War in Russia. 1914–1925. In Russ.]. Moscow, AIRO-XXI, 2014. 431 p.
- Gerasimov, V. V. (ed.). *Vooruzhennyye sily Rossii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917)*. [The Russian Armed Forces in the First World War (1914–1917). In Russ.]. Vol. 1. Moscow, Megapolis, 2014. 744 p.
- Lyan, Ch. *Pravoslavie v kontekste sovremennogo rossiisko-kitaiskogo vzaimodeistviya (1949–2015 gg.)*. [Orthodoxy in the Context of Modern Russian-Chinese Cooperation (1949–2015). In Russ.]. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2016. 247 p.
- Nazemtseva, E. N. *Iz Podnebesnoi na Russkii front: mobilizatsiya rossiiskikh poddannyykh v Kitae v gody Pervoi mirovoi voiny* [From the Middle Kingdom to the Russian Front: Mobilization of Russian Citizens in China during the First World War. In Russ.]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2024. No. 2, pp. 102–114.
- Os'kin, M. V. *Neizvestnye tragedii Pervoi mirovoi: plennyye, dezertiry, bezhentsy*. [Unknown Tragedies of the First World War: Prisoners, Deserters, Refugees. In Russ.]. Moscow, Veche, 2014. 444 p.
- Poznakhirev, V. V. *Turetskie voennoplennyye i grazhdanskyye plennyye v Rossii v 1914–1924 gg.: dokumenty, fakty, issledovaniya*. [Turkish Prisoners of War and Civilian Prisoners in Russia in 1914–1924: Documents, Facts, Research. In Russ.]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2014. 292 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. Н. Наземцева. Российские уклонисты и дезертиры в Китае в период Первой мировой войны // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 110–121

Аннотация: В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов анализируется не исследованная ранее проблема уклонистов от мобилизации и дезертиров из русской армии в Китае периода Первой мировой войны.

Вступление Российской империи в Первую мировую войну вызвало серьезные изменения в жизни государства. Мобилизация в армию огромного числа подданных кардинально повлияла на экономическую, политическую и социальную жизнь империи. Несмотря на патриотический подъем основной массы населения в первые месяцы войны, значительная часть российских подданных не разделяла эти настроения и стремилась избежать отправки на фронт, опасаясь вовлечения в военные действия. Среди уклонистов были представители разных слоев населения и этнических групп. Уклонисты и дезертиры перебирались вглубь страны — в Сибирь, на Дальний Восток, а впоследствии покидали пределы империи. Основным направлением побегов стал Китай, занимавший нейтральную позицию в войне вплоть до 1917 г. В организации побегов за границу уклонистам помогали нижние чины российской полиции и пограничной службы, русское и китайское местное население. Постепенно сложилась сеть подпольных путей миграции уклонистов из России в Китай. Прибыв, как правило по железной дороге, в Китай, беглецы оседали в Харбине, Тяньцзине, Чанчуне, Дальнем, затем получали новые документы, финансовую помощь от сотрудников германских концессий, обосновавшихся в Китае российских подданных, оппозиционно настроенных по отношению к российским властям, а также от различных криминальных элементов. Последние постепенно наладили нелегальный бизнес по продаже поддельных документов. Получив новые документы, уклонисты и дезертиры стремились покинуть Китай и следовали сначала на Филиппинские острова, в Гонконг, а затем, как правило, в США. Некоторые оставались в Китае и поступали в базировавшиеся здесь части американской армии.

Проблема русских уклонистов и дезертиров свидетельствует о серьезном кризисе Российской империи в период Первой мировой войны, а также демонстрирует важные нюансы ее отношений с соседними странами Дальневосточного региона.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, мобилизация, уклонисты, дезертиры, миграция, Китай.

FOR CITATION

E. N. Nazemetseva. Russian Draft Dodgers and Deserters in China during World War I // Petersburg Historical Journal, no 3, 2025, pp. 110–121

Abstract: Based on archival materials introduced into scientific circulation for the first time, the article analyzes the previously unexplored problem of draft dodgers and deserters from the Russian army in China during the First World War. The entry of the Russian Empire into the First World War caused serious changes in the life of the state. The mobilization of a huge number of subjects into the army had a drastic impact on the economic, political and social life of the empire. Despite the patriotic upsurge of the majority of the population in the first months of the war, a significant part of Russian citizens did not share these sentiments and sought to avoid being sent to the front, fearing involvement in military operations. Among the draft dodgers were representatives of different segments of the population and ethnic groups. Evaders and deserters moved inland to Siberia and the Far East, and subsequently left the empire. The main focus of the escapes was China, which occupied a neutral position in the war until 1917. The lower ranks of the Russian police and border guard service, as well as the Russian and Chinese local populations, helped the dodgers in organizing their escapes abroad. A network of clandestine migration routes from Russia to China gradually developed. Having arrived in China, as a rule, by rail, the fugitives settled in Harbin, Tianjin, Changchun, and Dalny, then received new documents and financial assistance from employees of German concessions, Russian nationals who settled in China, who were opposed to the Russian authorities, as well as from various criminal elements. The latter have gradually established an illegal business selling forged documents. After receiving new documents, the draft dodgers and deserters sought to leave China and followed first to the Philippine Islands, Hong Kong, and then, as a rule, to the United States. Some stayed in China and joined the American army units based here. The problem of Russian draft dodgers and deserters testifies to the serious crisis of the Russian Empire during the First World War, and also demonstrates the important nuances of its relations with neighboring countries of the Far Eastern region.

Key words: Russian Empire, World War I, mobilization, defectors, deserters, migration, China.

Автор: Наземцева, Елена Николаевна — д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН, отдела истории Российского зарубежья Дома Русского зарубежья имени А. Солженицына (Москва, Россия).

Author: Nazemetseva, Elena Nikolaevna — Dr. of Sci. in History, Leading Researcher, China Department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Department of History of the Russian Diaspora at the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad (Moscow, Russia).

E-mail: nazemtsevaelena5535@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9232-0436